

Andrzej de Lazari
Uniwersytet Łódzki

ПОЛЬСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ РУССКОЙ МЫСЛИ
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
(ЭСКИЗ)

В 1995 году столь любимый поляками Виктор Ерофеев говорил с шутливой издевкой:

Будь я поляком, я бы все русское ненавидел и презирал до бесконечности. Хаос, грязь, помойка мира — а при этом весь мир хотят переделать по собственному образцу. [...] Будь я поляком, я бы не верил в то, что у русских есть литература. Литература? Какая литература? Пушкин писал гадости о поляках. Гоголь писал о поляках страшные гадости, Достоевский — это вообще рупор русского самодержавия, тоже ругал поляков... Только Герцен был в этом смысле ничего, да еще маркиз де-Кюстин. Будь я поляком, я бы перевел антирусские письма Кюстина на польский язык и раздал бы каждому школьнику в день конфирмации в качестве подарка¹.

Путевые записки де-Кюстина поляки, конечно, издали, даже несколько раз, но только в 1990-е годы, и вслед за Герлингом-Грудзинским пришли к выводу, что это «лучшая книга о Советском Союзе» (sic!)². Герлинг-Грудзинский заодно все-таки отметил, что в записках де-Кюстина не упоминается «иная Россия», которая, по мнению Герлинга, была не менее важной как во времена Николая I, так и во времена Сталина и его наследников³. Русофобия в Польше существует, прежде всего, в толпе, и усилилась она особенно после аннексии Крыма, что не вызывает ни малейшего удивления. С исторической точки зрения, русские поляков никогда не баловали, а сегодняшняя

¹ В. Ерофеев: *Будь я поляком*. В кн.: *Польская и русская душа — от А. Мицкевича и А. Пушкина до Ч. Милоша и А. Солженицына*. Редактор-составитель А. де Лазари. Warszawa: PISM 2003, с. 461.

² G. Herling-Grudziński: *Dziennik pisany nocą, 1971–1972*. (3 kwietnia 1972) <http://ni-niwa22.cba.pl/dziennik_pisany_noca.htm> (23.02.2015).

³ Там же.

массовая поддержка россиянами агрессивного Путина и преклонение перед Сталиным⁴ вызывает удивление и новые опасения. Существует, однако, немалое число польской интеллигенции, которая все ещё надеется на «иную Россию» — не на Азиопу, не на Евразию, а на лихачевскую Скандославию⁵.

И вот в таких политически неблагоприятных условиях, по словам Анджея Валицкого, в одном лишь Кракове больше серьезных «россиеведов», чем во всех Соединенных Штатах Америки. Как это объяснить? Россия была и остается не только для россиян, но и для мыслящих поляков «роковым вопросом», загадкой, которую стоит разгадывать.

Русские гуманитарии говорят: «Все мы вышли из гоголевской шинели», польские же серьезные россиеведы могут сказать: «Все мы вышли из книг Анджея Валицкого» (если б не он, я, во всяком случае, до сих пор играл бы на балалайке в ресторане *Borshtch 'n' Tears* на *Beauchamp Place* в Лондоне, как я это делал в начале 1970-ых). Валицкий принадлежит к тем польским ученым, которые сумели, живя в ПНР, сохранить интеллектуальную свободу, сознательно пренебрегая идеологическими запретами и приказами. Среди его трудов нет ни одной книги, утратившей научную ценность, и они всё переиздаются. Он никогда не писал на чей бы то ни было заказ, оставаясь в науке невозмутимым либералом. Вероятно, поэтому среди его друзей и корреспондентов — сэр Исайя Берлин и Чеслав Милош. Поэтому же его книги печатались и печатаются в Англии, Италии, Испании, Японии и других странах, а в последнее время — даже в России. Его книги стали учебниками для нескольких поколений философов, историков, филологов и политологов, интересующихся русской и польской философской, общественной и политической мыслью. Вместе с Брониславом Бачкой, Лешеком Колаковским и Ежи Шацким он основал варшавскую школу истории идей — благодаря ему и его ученикам можно уже говорить и о польской школе истории идей в России (не «русской идеи», не «русских идей», а именно «идей в России»).

Польским прочтением русской мысли у нас занимаются, в первую очередь, Лилианна Кейзик и ее ученик Яцек Углик из Зеленогорского

⁴ *Роль личностей в истории России* <<http://www.levada.ru/20-01-2015/rol-lichnostei-v-istorii-rossii>> (23.02.2015) — «Число россиян, позитивно оценивающих роль Сталина в жизни страны, достигло максимального значения за все годы замеров — 52%. Положительнее всего оценили вождя респонденты в возрасте от 55 лет и выше (69%), а также сельские жители (64%)».

⁵ Д. Лихачев: *Нельзя уйти от самих себя. Историческое самосознание и культура России* / «Новый мир» 1994, № 6 <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/6/lihach.html> (23.02.2015).

университета. Они создали сайт <http://www.filozofiarosyjska.uz.zgoga.pl/> и издали два сборника *Польских исследований русской философии*⁶, посвященные Анджею Валицкому. В первый том включены обзорная статья Лилианны Кейзик и работы ряда польских исследователей русской мысли: Романа Сапенько о Григории Сковороде, Анны Янчус об Александре Герцене, Яна Красицкого о Владимире Соловьеве, Антония Каминского о Михаиле Бакуanine, Лешека Аугустына о Константине Леонтьеве, Пшемислава Пелки о Льве Толстом, Терезы Оболевич о Семене Франке, Лилианны Кейзик о Сергее Булгакове и Марека Стычинского о Николае Бердяеве. Том завершают статьи Януша Добешевского о представлениях Анджея Валицкого о русской культуре и философской мысли и Михала Бохуна о исследованиях его покойного учителя, Владимежа Рыдзевского. Второй том открывает обзорная статья Юстыны Курчак о новейших исследованиях русской мысли в Польше⁷, затем следуют тексты Магдалены Жаковской о достижениях лодзинского Междисциплинарного центра советологических исследований, Бартломея Бжезинского об исследованиях и переводах отца Генриха Папроцкого, Мальвины Худы-Гранат о прочтении поляками наследия Петра Чаадаева, Тадеуша Сухарского и Анджея де Лазари о Достоевском в польской художественной литературе, Яцека Углика о польских исследованиях творчества Достоевского, Антония Каминского о Петре Кропоткине, Галины Рарот о Василии Розанове, Юстыны Курчак о Сергее и Евгении Трубецких, Адама Савицкого и Дороты Евдокимов о Льве Шестове, Павла Роека о Павле Флоренском и Терезы Оболевич о Николае Лосском и Алексее Лосеве.

Стоит здесь также упомянуть 15-летней давности книгу моего лодзинского коллеги Марека Стычинского *Об идеях, что злоецими бывают. Прочтение русской философско-политической мысли в Польше после 1989 года*⁸. В нее включены рецензии на следующие книги: Гжегожа Пшебинды *От Чаадаева до Бердяева. Спор о Боге и человеке в русской мысли 1832–1922*⁹, Анджея де Лазари «Почвенничество». *Из исследований истории идей в России*¹⁰ и *Будет ли Москва*

⁶ *Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze*. Ред. L. Kiejzik, J. Uglik. Cz. 1. Warszawa: Aletheia 2009; cz. 2, Warszawa: IFIS PAN 2012.

⁷ Это польский вариант статьи: J. Kurczak: *Polish Studies in Russian Thought*. „Studies in East European Thought” 2002, vol. 54, nr 1–2.

⁸ M. Styczyński: *O ideach, że zło wrogie bywają. Recepcja rosyjskiej myśli filozoficzno-politycznej w Polsce po roku 1989*. Łódź: Ibidem 1999.

⁹ G. Przebinda: *Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej. 1832–1922*. Kraków: PAU 1998.

¹⁰ A. de Lazari: „Poczwinnictwo”. *Z badań nad historią idei w Rosji*. Łódź: Wyd. UŁ 1988.

*Третьим Римом? Исследования русского национализма*¹¹, Славомира Мазурка *Катастрофические мотивы в русской и польской мысли 1817–1950*¹², Цезария Водзинского *Знание и спасение. Изучение мысли Льва Шестова*¹³, Юзефа Павляка *Интуиция и действительность. Гносеологические взгляды Николая Лосского*¹⁴, Анджея Валицкого *Польша, Россия, марксизм*¹⁵ и *Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии*¹⁶, Юзефа Бохенского *Левые, религия, советология*¹⁷, Адама Поморского *Духовный пролетарий. К истории русского космизма и общественного ламаркизма XIX–XX вв. (На обочине антиутопии Андрея Платонова)*¹⁸, Мариана Броды *Труднейший русский вызов? Загадка Леонтьева и Россия*¹⁹, лексикон *Русский менталитет*, составленный мною вместе с моими коллегами на польском и английском языках²⁰, Ярослава Браткевича *Традиционализм, коллективизм деспотизм*²¹, *Великорусский шовинизм в свете теории продолжения*²² и *Русские националисты в годы 1992–1996. От дестрадиционализации к традиционализации*²³, Ежи Помяновского *Русский месяц с гаком*²⁴. Есть в томе также рецензии на *Письма маркиза де-Кюстина*²⁵ и *Нет возврата* Варлама Шаламова²⁶.

¹¹ A. de Lazari: *Czy Moskwa będzie Trzecim Rzymem? Studia o nacjonalizmie rosyjskim*. Katowice: Śląsk 1996.

¹² S. Mazurek: *Wątki katastroficzne w myśli rosyjskiej i polskiej 1917–1950*. Wrocław: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej 1997.

¹³ C. Wodziński: *Wiedza i zbawienie. Studium myśli Lwa Szestowa*. Warszawa: IFiS PAN 1991.

¹⁴ J. Pawlak: *Intuicja i rzeczywistość. Poglądy gnoseologiczne Mikołaja Łoskiego*. Toruń: Wyd. UMK 1996.

¹⁵ A. Walicki: *Polska, Rosja, marksizm. Studia z dziejów marksizmu i jego recepcji*. Warszawa: Książka i Wiedza 1983.

¹⁶ A. Walicki: *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. The Rise and Fall of the Communist Utopia*. Stanford University Press 1995; его же: *Марксизм и скак до королевства волности. Дзиее комуністычэной утопіі*. Warszawa: PWN 1996.

¹⁷ J.M. Bocheński: *Lewica, religia, sowietologia*. Warszawa: Morex 1996.

¹⁸ A. Pomorski: *Duchowy proletariusz: przyczynek do dziejów lamarkizmu społecznego i rosyjskiego kosmizmu XIX–XX wieku (na marginesie antyutopii Andrieja Płatonowa)*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe i Literackie Open 1996.

¹⁹ M. Broda: *Najtrudniejsze z rosyjskich wyzwań? Zagadka Leontjewa i Rosja*. Łódź: Ibidem 1995.

²⁰ *Mentalność rosyjska. Słownik i The Russian Mentality* (Katowice: Śląsk 1995).

²¹ J. Bratkiewicz: *Tradycjonalizm, kolektywizm, despotyzm*. Warszawa: ISP PAN 1991.

²² J. Bratkiewicz: *Wielkoruski szowinizm: w świetle teorii kontynuacji*. Warszawa: ISP PAN 1991.

²³ J. Bratkiewicz: *Rosyjscy nacjonałiści w latach 1992–1996: od detradycjonalizacji do retradycjonalizacji*. Warszawa: ISP PAN 1998.

²⁴ J. Pomianowski: *Ruski miesiąc z hakiem*. Wrocław: Wyd. Dolnośląskie 1997.

²⁵ A. de Custine: *Listy z Rosji. Rosja w 1839 roku*. Peł. P. Hertz. Warszawa: PIW 1995.

²⁶ W. Szalamow: *Bez powrotu*. Peł. J. Baczyński. Gdańsk: ATEXT 1996.

Обзорную статью о «рецепции русской философии в Польше» опубликовала также католическая монахиня профессор Тереза Оболевич²⁷. После 1989 года в изучении русской мысли в Польше она выделяет два направления. Во-первых — переводческо-издательское, к которому Оболевич причисляет изданные труды Владимира Соловьева, Семёна Франка, Льва Карсавина, Василия Розанова, Павла Флоренского, Сергея Булгакова, Николая Бердяева, Николая и Владимира Лосских, Льва Шестова и некоторых других. Во-вторых — направление критико-аналитическое. В данном контексте профессор Оболевич весьма лестно отзывается о русско-польско-английском лексиконе *Идеи в России*, пять томов которого редактировал я, два тома — Юстына Курчак, а ещё два — Януш Добешевский²⁸. Оболевич должным образом оценила факт, что «особенностью лексикона является не только параллельный текст на трех языках, но и плюрализм мнений: статью на одну и ту же тему могут писать несколько авторов, представляя, таким образом, различные позиции и освещая проблему с разных сторон» (стоит добавить, что очередные тома собирается редактировать краковский ученый Михал Бохун).

Понятно, что монахиню Терезу Оболевич интересует прежде всего русская религиозно-философская мысль, поэтому обобщение ее обзора вполне ожидаемо: «можно сказать, что проделана большая работа (особенно за последнее время) по восприятию и усвоению русской религиозной философии в Польше. Тем не менее, русская философия остается относительно мало распространенной в широких кругах интеллектуалов»²⁹.

С последней мыслью я не вполне согласен. Конец эпохи коммунистического правления в Польше повлек за собой упадок в области преподавания русского языка, но интерес к России, ее прошлому и будущему, по-моему, вырос. В сборниках Кейзик и Углика упомянуто огромное количество польских текстов о русской мысли. Русский молодой философ, Владимир Варава, после состоявшейся в 2014 году конференции, организованной Михалом Бохуном, оценил это так:

Тадеуш Конвицкий, говоря о проблеме восприятия России и русской литературы польскими писателями, употребил выражение «зараженные Россией

²⁷ Т. Оболевич: *От Волги до Вислы. Рецепции русской философии в Польше*. «Собор. Альманах религиоведения», вып. 9: *Православие в современном образовании*. Ред. В.П. Кузовлев. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина 2012, s. 124–131 <<https://krakovskievstrechi.wordpress.com/>> (23.02.2015).

²⁸ *Идеи в России, Idee w Rosji, Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Т. 1. Warszawa: Semper 1999. Т. 2–9, Łódź: Ibidem 1999–2015.

²⁹ Там же.

люди». И действительно, Россия всегда была для Польши полем магнитного притяжения и отталкивания. Понятно, что это Достоевский всех „заразил” и в России, и в Польше, да и вообще во всем мире абсолютной невыразимой тайной, придав тем самым жизни значительность и глубину³⁰.

О Достоевском в польской литературе, литературоведении и философской мысли мы с Тадеушом Сухарским уже писали³¹, указав и весьма объемную библиографию³². Подытоживаем мы свой обзор так:

Польские тексты о Достоевском являются, несомненно, отголоском польского понимания России, у которого особенный характер. Чеслав Милош в *Родной Европе* указал, что „поляки знают о русских то, что сами русские знают о себе, не желая в этом признаться, — и наоборот”. Однако эти знания часто лишены расстояния, на наши оценки неоднократно влияют известные resentiments, сложный исторический опыт, разочарования и комплексы. Возможно, что эти чувства проявляются в подсознании при исследовании наследия писателя, который не слишком доброжелательно относился к нам (правда, и к другим нациям тоже не был расположен). Польские ученые обычно трактуют этот вопрос с пониманием, великодушно прощая Достоевскому националистические замашки во имя его художественной гениальности. Они замалчивают свои ущемленные патриотические чувства, в каком-то смысле ограничивая возможность выявить собственно „польский взгляд”. Польская мысль, в принципе нерелигиозная, сосредоточена более на истории, чем на богословии, и исследователи, пишущие о Достоевском, совершают своего рода прохождение, трансгрессию, иногда выходя за пределы тех смыслов, которые вкладывал в свои произведения Достоевский. Иначе дело обстоит с вкладом в достоевковедение, внесенным такими представителями польской нации, как Чеслав Милош, [...] Густав Герлинг-Грудзинский, [...] и Анджей Валицкий [...]. Их „польский голос” (вряд ли они сами были бы довольны таким определением), несомненно, повлиял и на западное восприятие русской мысли, литературы и наследия Достоевского. Милош, Герлинг и Валицкий отказались от проторенных дорог западного достоевковедения, которое под влиянием Бахтина уделяло мало внимания политическим взглядам русского гения, они также не согласились и на прочтение Достоевского лишь через призму психоанализа. Присущий им исторический опыт Польши сыграл свою важную роль: они показали Западу Достоевского-почвенника, создающего свои произведения и идеи именно на русской почве, и благодаря этому дали возможность западному миру лучше понять процессы и идеи русской действительности. Одновременно они вписали лучшие достижения русской мысли в историю западной мысли, показали ее

³⁰ В. Варавя: «Зараженные Россией люди». *Вариации на польские темы*. «Время культуры», 10.09.2014 <<http://vremyakultury.ru/zarazhennyye-rossiej-lyudi-variatsii-napolskie-temy/>> (23.02.2015).

³¹ А. де Лазари, Т. Сухарски: *Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время*. В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 20. С. Петербург: РАН 2013, s. 25–43 <<http://www.fedordostoevsky.ru/research/mr/20/>> (23.02.2015).

³² А. де Лазари, Т. Сухарски: *Библиография польских исследований творчества Достоевского с 1970 г. по настоящее время*. Там же, с. 583–598.

«всечеловечность». В их отношении к Достоевскому сосуществуют и борются две противоположные силы: ментальной отчужденности, детерминированной историей, сопутствует близость философской и религиозной позиций, чего временами не хватало польской литературе. По их пятам пошли многие польские ученые — Пшибыльский, Урбанковский, Позыняк, де Лазари, Сухарский, Пшебинда, Суханек, Водзинский, Брода и многие другие, в том числе те, которых в этом очерке мы даже не успели назвать³³. В таком соединении универсальной перспективы с «польским взглядом», пожалуй, и заключаются суть и оригинальность вклада польского достоевсковедения в мировую культуру³⁴.

Издаваясь над польской русофобией, в чем-то Виктор Ерофеев, конечно, прав — много у поляков всяких предубеждений, — но с Достоевским он переборщил. Поляки Достоевского ценят, читают, изучают и давно ему простили антипольские фобии.

На втором месте, после Достоевского, в польском философском руссееведении следует назвать Владимира Соловьева. Несомненно, существенную роль сыграл здесь его переход в католичество и факт, что Иоанн Павел II в своей энциклике *Вера и Разум* (1998) назвал его (рядом с Павлом Флоренским, Петром Чаадаевым и Владимиром Лосским) мыслителем, обогатившим христианскую мысль³⁵. О польском соловьевоведении две обширные статьи опубликовал Ян Красицкий (одну в упомянутом выше первом сборнике Кейзик и Углика, вторую — в российских «Соловьёвских исследованиях»³⁶), к которым сложно добавить что-нибудь существенное. Красицкий анализирует прочтение Соловьева в Польше с первых статей и публикаций, посвященных его творчеству, до последних исследований его богословского и философского мировоззрения (работы Анджея Валицкого, Лилянны Кейзик, Гжегожа Пшебинды, Януша Добешевского, Яна Красицкого, Марека Киты, Тересы Оболевич и Славомира Мазурека). Он попытался определить своеобразие польских интерпретаций и решить правомерность вопроса о существовании «польской» школы соловьевоведения и возможности «преодоления современного кризиса в идеологических и политических отношениях между Польшей и Россией»³⁷. И я вполне разделяю итоговую мысль обеих статей о том, что

³³ Упомяну здесь хотя бы новейшую работу молодого ученого, Яцека Углика: J. Uglik: *Dostojewski, czyli rzecz o dramacie człowieka*. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski 2014.

³⁴ А. де Лазари, Т. Сухарски: *Достоевский в польской литературе...*, с. 42–43.

³⁵ Jan Paweł II: *Encyklika Fides et ratio* <http://www.opoka.org.pl/biblioteka/W/WP/jan_pawel_ii/encykliki/fides_ratio_6.html> (23.02.2015).

³⁶ Я. Красицкий: *Философия В.С. Соловьева в Польше*. «Соловьёвские исследования» 2013, вып. 1(37), с. 40–54.

³⁷ Там же, с. 40.

[...] рецепция философии Соловьева [в Польше] позволяет судить не только о его творчестве, о его личности, но многое говорит и о самих поляках, о польских национальных фобиях и надеждах, о польском подходе к русской культуре и философии, к русскому православию и вообще к России как таковой. [...] можно сказать, что для многих поляков Соловьев стал сразу — и является до сих пор — более «иконой» России, чем реальностью. Он стал и остается до сих пор олицетворением всего того, что в истории России было для поляков самым ценным. Он стал персонификацией святости России, ее духовности и всего того, что в истории, политике и культуре России и русской цивилизации было лучшим³⁸.

Какого русского философа поставить на третье место среди мыслителей, вызывающих живейший интерес польских исследователей, решить сложнее. Это мог бы быть Петр Чаадаев, который также, поговаривают, перешел в католицизм, а заодно весьма критично взглянул на действительность и будущее своей страны, что полякам не могло не импонировать. Здесь большая заслуга Люциана Суханка, который издал в 1992 году на польском языке *Письма Чаадаева*³⁹. Проблема в том, что поляки, как и большинство других исследователей, знают в основном лишь первое *Философическое письмо*, и оно служит доказательством вечной русской неспособности стать европейской цивилизацией. Поэтому третье место я бы дал все-таки Николаю Бердяеву. О нем гораздо больше серьезных кандидатских и докторских работ.

По-моему, лучшим знатоком наследия Бердяева в Польше является Марек Стычинский. В первом томе сборника Кейзик и Углика он предпринял попытку систематизировать польские исследования философии Николая Бердяева⁴⁰ и называет десятки работ, начиная с текстов столетней давности (Вацлава Ледницкого, Мариана Здзеховского и других) и заканчивая работами современных молодых авторов. Стычинский причисляет Бердяева, наряду с Соловьевым и Шестовым, к самым популярным русским мыслителям в Польше (Достоевского и Толстого как философов он оставляет в стороне как особую тему исследований), поэтому сложно сосчитать все работы о нем. Кроме того, Бердяев выступает как важное лицо в большинстве работ о мысли русского Серебряного века и религиозного возрождения, экзистенциализма и персонализма, катастрофизма и мессианизма, марксизма и православия⁴¹.

Лев Шестов признан в Польше, прежде всего, благодаря Цезарию Водзинскому. Это он перевел и издал важнейшие работы Шестова:

³⁸ Там же, с. 52.

³⁹ P. Czaadajew: *Listy*. Выбор, вступление и подготовка к печати L. Suchanek. Пер. M. Leśniewska, L. Suchanek. Kraków: UJ 1992.

⁴⁰ M. Styczyński: *Polskie badania filozofii Mikołaja Bierdiajewa. Próba systematyzacji*. В кн.: *Polskie badania...*, cz. 1, с. 185–208.

⁴¹ Там же, с. 189–190.

в 1987 г. — *Достоевский и Ницше*, в 1989 — *Гнозис и экзистенциальная философия*, в 1993 — *Афины и Иерусалим*, в 1995 — *Sola fide — только верою*, а в 1989 г. защитил великолепную кандидатскую диссертацию *Знание и спасение. Изучение мысли Льва Шестова*⁴². Ранее мы на польском языке были знакомы лишь с «тамиздатским» изданием *Апофеоза беспочвенности (опыта адогматического мышления)*⁴³, за Водзинским же последовали Яцек Хмелевский и Яцек Прокопский и перевели почти всё остальное наследие Шестова (пока не переведены на польский язык лишь *Великие кануны* и *Шекспир и его критик Брандес*⁴⁴). Кандидатскую диссертацию о Шестове опубликовал также Адам Савицкий⁴⁵, который в сотрудничестве с Доротой Евдокимов предпринял попытку собрать библиографию о Шестове⁴⁶.

Увлечлись поляки также наследием Константина Леонтьева, но работ его не переводят и не издают (лишь Михал Бохун опубликовал по-польски фрагменты *Византизма и славянства*⁴⁷ и *Над могилой Пазухина*⁴⁸, а Януш Добешевский — статью *Владимир Соловьев против Данилевского*⁴⁹). Признанными знатоками мировоззрения Леонтьева являются у нас Михал Бохун и Мариан Брода. Первый защитил кандидатскую диссертацию о социальной философии Леонтьева⁵⁰, второй — докторскую о истории и эсхатологии в его мировоззрении⁵¹. Обоим исследователям принадлежит несколько десятков статей о взглядах автора *Византизма и славянства*.

Думаю, уже очевидно, что после падения коммунистического режима поляков привлекает, в первую очередь, русская религиозная и консервативная мысль. Раньше заниматься ею мешала цензура, хоть

⁴² C. Wodziński: *Wiedza i zbawienie. Studium myśli Lwa Szestowa*. Warszawa: IFiS PAN 1991.

⁴³ L. Szestow: *Apoteoza nieoczywistości. Próba myślenia adogmatycznego*. Пер. N. Karsov, Sz. Szechter. Londyn: Kontra 1983.

⁴⁴ См.: D. Jewdokimow: *Refleksja filozoficzna Lwa Szestowa w Polsce*. В кн.: *Polskie badania...*, cz. 2, с. 198.

⁴⁵ A. Sawicki: *Absurd — rozum — egzystencjalizm w filozofii Lwa Szestowa*. Kraków: Nomos 2000.

⁴⁶ См.: *Polskie badania...*, cz. 2, с. 185–205.

⁴⁷ *Wokół Leontjewa i Bierdiajewa. Almanach myśli rosyjskiej*. Ред. J. Dobieszewski. Warszawa: WFiS UW 2001, с. 145–177.

⁴⁸ *Niemarksistowska filozofia rosyjska. Antologia tekstów filozoficznych XIX i pierwszej połowy XX wieku*. Ред. L. Kiejzik. Cz. 1. Łódź: Ibidem 2001, с. 157–168.

⁴⁹ *Wokół Leontjewa...*, с. 177–191.

⁵⁰ M. Bohun: *Kontrewolucja i pesymizm. Filozofia społeczna Konstantina Leontjewa*. Kraków: Wyd. UJ 2000.

⁵¹ M. Broda: *Historia a eschatologia. Studia nad myślą Konstantego Leontjewa i „zagadką Rosji”*. Łódź: Wyd. UŁ 2001.

и не очень усердно — издал же Анджей Валицкий в 1960-е годы свои великолепные работы *Личность и история*⁵² и *В кругу консервативной утопии. Структура и преобразования русского славянофильства*⁵³, а в 1970-е — учебник всех польских россиеведов: *Русская философия и общественная мысль от просвещения до марксизма*⁵⁴. Тем не менее, работы русских «консерваторов» не издавались⁵⁵. Теперь, как говорят поляки, «гуляй душа — ада [а точнее, цензуры] нету» — и издаются, и изучаются тексты важнейших русских «консерваторов» (вышеупомянутых, Николая Данилевского, Николая Лосского, Василия Розанова, Сергея Булгакова, Сергея и Евгения Трубецких, Павла Флоренского, Семёна Франка, Алексея Лосева, Николая Федорова). Особняком стоят здесь книги Анджея Валицкого *Философия права русского либерализма*⁵⁶ и *Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии*⁵⁷, книги о русском анархизме Антония Каминского⁵⁸ и Владзимежа Рыдзевского⁵⁹, и книга о Чернышевском Гжегожа Пшебинды⁶⁰.

⁵² A. Walicki: *Osobowość a historia. Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej*. Warszawa: PIW 1959; переиздание: *Idea wolności u myślicieli rosyjskich. Studia z lat 1955–1959*. Kraków: UJ 2000.

⁵³ A. Walicki: *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*. Warszawa: PWN 1964 (переведенная на английский, итальянский и украинский языки, польское переиздание появилось в 2002 году).

⁵⁴ A. Walicki: *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu*. Warszawa: Wiedza Powszechna 1973 (переведенная на английский язык и многократно переиздаваемая в Англии и в Америке; в Польше переиздана в 2005: *Zarys myśli rosyjskiej: od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego*; русское издание — 2013).

⁵⁵ В 60–70-е годы Анджей Валицкий издал со своим предисловием и примечаниями тексты многих «левых» и либералов: Виссариона Белинского, Николая Добролюбова, Николая Чернышевского, народников, Юрия Плеханова, Александра Герцена и своего учителя — Сергея Гессена.

⁵⁶ A. Walicki: *Legal Philosophies Of Russian Liberalism*. Oxford: Oxford University Press 1987 (польское издание — *Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu*. Warszawa: ISP PAN 1995, русское — 2012).

⁵⁷ A. Walicki: *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom...; Marksizm i skok do królestwa wolności. Dzieje komunistycznej utopii*. Warszawa: PWN 1996.

⁵⁸ A. Kamiński: *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michajła Bakunina*. Wrocław: Akademia Ekonomiczna 2004; его же: *Michail Bakunin. Życie i myśl*. Т. 1: *Od religijnej miłości do filozofii czynu*, Wrocław: Uniwersytet Ekonomiczny 2012; его же: *Michail Bakunin. Życie i myśl*. Т. 2: *Podpalacz Europy (1848–1864)*, Wrocław: Uniwersytet Ekonomiczny 2013.

⁵⁹ W. Rydzewski: *Powrót Bakunina: szkice o „rosyjskiej idei” i mitach lewicy*. Kraków: Wyd. „BUS” 1993.

⁶⁰ G. Przebinda: *Mikołaj Czernyszewski — późny wnuk Oświecenia*. Katowice: „Śląsk” 1996.

До сих я называл в основном польских философов, исследующих русскую мысль. Время упомянуть хотя бы одного филолога. Уход от либерализма к правому толкованию мира и к религиозности лучше всего показывает образцовая докторская диссертация философствующего литературоведа, Гжегожа Пшебинды: *От Чаадаева до Бердяева. Спор о Боге и человеке в русской мысли 1832–1922*⁶¹. Пшебинда заново прочитал почти всю историю русского мировоззрения и, не соглашаясь с исследователями и идеологами, которые основной спор в России видели и видят в противостоянии славянофилов и западников, решил, что «тяжба о трансцендентности является наиболее значительной проблемой в истории русской мысли», подчинил ей все свои поиски и интерпретации и пришел к заключению, что «Россия, благодаря религии, философии, культуре и литературе, является неотъемлемой частью христианской Европы»⁶².

Жорж Нива, приветливо отзываясь о недавно изданной в Москве книге Пшебинды *Между Краковом, Римом и Москвой*⁶³, отметил, что его

[...] всегда поражала и восхищала влюбленность, характерная не только для польской русистики, но и для некоторой части польского общества, в русскую религиозную мысль. Эту любовь к русской духовности все мы ощущали у папы Иоанна Павла II. Польская русистика странным образом особенно увлекалась русским славянофильством и подарила нам в этой области ценнейшую книгу Анджея Валицкого. Пшебинда посвящает ему особенно интересную главу, в которой анализирует не только довольно сложные, порой загадочные философские лабиринты Валицкого, но и реакции на него, например Анджея де Лазари. Тут, как и в других главах, пишется история польской русистики (с ее сторонниками просветительства и с ее сторонниками религиозного возрождения)⁶⁴.

Пшебинда — сторонник религиозного возрождения, я — на стороне «просветителей». Он называет меня «самым либеральным из польских историков русской мысли и известным противником всякого, не только русского, национализма»⁶⁵, что мне, конечно, лестно. Он не доверяет моему призыву: «Экуменисты, Гжегож, оставьте всякую надежду!»

⁶¹ G. Przebinda: *Od Czaadajewa do Bierdiajewa...*

⁶² См. мою рецензию: *Jeśli chcemy zrozumieć Rosję. O polskiej rusycystyce, zimorodkach i najnowszej książce Grzegorza Przebindy*. „Rzeczpospolita / Plus-Minus” 1998, № 161, и рецензию Марека Стычинского: *Między „jest Bóg” a „nie ma Boga”?*. „Res Publica Nowa” 1998, № 9.

⁶³ Г. Пшебинда: *Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше*. Москва: РГГУ 2013.

⁶⁴ Ж. Нива: *О жестокости истории и духовном свете русской культуры — глазами польского русиста*, «Новая Польша» 2014, № 6 <<http://www.novopol.ru/index.php?id=2106>> (23.02.2015).

⁶⁵ Г. Пшебинда: *Между Краковом, Римом и Москвой...*, с. 172.

— из рецензии на его книгу *Большая Европа. Папа о России и Украине*⁶⁶, не доверяет и моим надеждам

[...] на мирской интеллектуально-политически-экономический диалог между Россией, западным миром и Польшей, но не на примирение Католической и Русской Православной Церквей, а тем более, на соединение христианских Церквей. [...] В сегодняшнем мире мы в значительно большей степени можем рассчитывать на взаимопонимание между культурами (цивилизациями) в рамках правопорядка и гражданского общества. Именно эти категории создают фундамент примирения и культурной полифонии [...] Церкви же еще очень долго будут нас разделять⁶⁷.

Если посмотреть на наш тогдашний спор сегодня, мы оба ошиблись. О каком диалоге церквей, культур, цивилизаций говорить, если в 2014 году Минкультуры России, излагая *Основы государственной культурной политики*, решило, что «Россия — это не Европа», что

[...] сохранение единого культурного кода требует отказа от государственной поддержки культурных проектов, навязывающих чуждые обществу ценностные нормы [...]. Отсюда следует категорическое неприятие идеологии *мультикультурализма*. Не отрицая право любой народности на сохранение своей этнографической самобытности, недопустимо навязывание чуждых российскому обществу ценностных норм⁶⁸.

Такое мнение находит теперь, к сожалению, поддержку большинства россиян⁶⁹, что огорчает поляков, мечтающих о русской Скандославии.

Я, конечно, не в состоянии назвать здесь все имена польских философов, филологов, культуроведов, политологов, историков и перечислить заглавия их работ о русской мысли. Их множество. Поляки болеют за Россию — кто за либеральную, кто за консервативную, православную. Понятно, что в теперешних военных, «крымнашистских» условиях на первое место выходят работы польских исследователей русской великодержавной и националистической мысли. В этой области несомненным лидером является Краков во главе с профессором Анджеем Новаком, редактором общественно-политического журнала «Аркана», автором крупных историко-политологических работ, в том числе: *Поляки, рус-*

⁶⁶ G. Przebinda: *Większa Europa. Jan Paweł II wobec Rosji i Ukrainy*. Kraków: Znak 2001.

⁶⁷ Цит. по: Г. Пшебинда: *Между Краковом, Римом и Москвой...*, с. 329.

⁶⁸ Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики», «Известия» (16.04.2014) <<http://izvestia.ru/news/569016>> (23.02.2015). Цит. по: А. де Лазари: «Русская идея» по-путински. «Гэфтер», 25.05.2014 <<http://gefter.ru/archive/12304>> (23.02.2015).

⁶⁹ См.: *Западные обесценности* <<http://www.levada.ru/28-10-2014/zapadnye-obestsennosti>> (23.02.2015).

ские и бесы. Исторические очерки XIX и XX вв. (1998)⁷⁰, *Ab Imperio: новый взгляд на историю Восточной Европы* (2001)⁷¹, *Польша и три России. Очерк восточной политики Юзефа Пилсудского* (2008 и 2015)⁷². Было время, когда я с ним спорил на страницах газеты «Речь Посполитая», доказывая, вслед за Солженицыным, что нельзя все советские преступления сваливать на русских, так как Сталин, Дзержинский, Берия и проч. не были русскими, что винить надо коммунистов, а не этнос⁷³. Тогда я и Путина защищал, надеясь на обещанную им «диктатуру закона»⁷⁴. Россияне-«крымнашисты» доказали, однако, что в своих антироссийских опасениях прав был Анджей Новак, и теперь я сам становлюсь «россиейфобом», не нахожу оправдания для современного русского самодержавия, империализма и шовинизма⁷⁵, и приветливо встречаю «россиейфобскую» книгу молодого польского ученого, Павла Роека, ученика Анджея Новака, озаглавленную *Проклятие империи. Истоки русского поведения*⁷⁶. Исчезает, к сожалению, польская надежда на то, что русские победят наконец в себе проклятого гомо советикуса.

Andrzej de Lazari

POLSKIE INTERPRETACJE MYŚLI ROSYJSKIEJ
PO UPADKU KOMUNIZMU (SZKIC)

Streszczenie

Tekst przedstawia najważniejsze pozycje bibliograficzne, omawiające stan polskich badań myśli rosyjskiej po 1989 roku oraz charakteryzuje te badania pod kątem światopoglądu polskich badaczy.

⁷⁰ A. Nowak: *Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku*. Kraków: Arcana 1999.

⁷¹ A. Nowak: *Ab Imperio: nowe spojrzenia na historię Europy Wschodniej*. Kraków: Arcana 2004.

⁷² A. Nowak: *Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego*. Kraków: Arcana 2015.

⁷³ См. м. проч.: *Диалог Анджея Новака и Анджея де Лазари* <<http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/2167-dialog-andzheia-novaka-i-andzheia-de-lazari/>> (23.02.2015).

⁷⁴ См. *Поляки и русские* <<http://inosmi.ru/world/20080611/241937.html>> (23.02.2015).

⁷⁵ А. де Лазари: «*Русская идея*» по-путински. «Гэфтер», 25.05.2014 <<http://gefter.ru/archive/12304>> (23.02.2015).

⁷⁶ P. Rojek: *Przekleństwo imperium. Źródła rosyjskiego zachowania*. Kraków: Wydawnictwo M 2014.

Andrzej de Lazari

POLISH INTERPRETATIONS OF RUSSIAN THOUGHT
AFTER THE COLLAPSE OF COMMUNISM (SKETCH)

Summary

The article shows some major bibliographical items discussing the condition of Polish research on Russian thought after 1989. It also describes that research paying special attention to the world view of Polish researchers.